

П. Адамчевски

УДИНСКИЙ МУЗЕЙ В ЗИНОБИАНИ (ГРУЗИЯ)

Введение

Музеи являются важным институтом для каждой нации и ее самосознания. Они, как правило, создаются для сохранения и документирования различных проявлений деятельности человека или природных сил. Основное содержание каждого музея зависит от задуманной миссии, которая привела к его учреждению.

С профессиональной точки зрения музеи должны иметь три основные задачи. Во-первых, они ведут коллекционерскую деятельность, собирая предметы, лежащие в основе документальной работы. Во-вторых, занимаются научной деятельностью. Это следует из того, что отправной точкой для музеев любой направленности, в первую очередь для организации и разработки выставок — является научное исследование. В-третьих, музеи выполняют образовательную функцию, представляя свои коллекции публике, формируя в то же время воображение посетителей на ту или иную тему.

Решающее значение во влиянии музеев на общество имеет образ (нарратив), который генерируется при помощи экспозиции. Здесь речь идет о создании образа реальности прошлого. Один из самых авторитетных польских исследователей музеев профессор Ян Щвенх с кафедры теории музееведения и этнографической документации Института этнологии и культурной антропологии Ягеллонского университета в Кракове считает, что термин «создание» уместен, так как музейная экспозиция имеет столько же общего с научной практикой, сколько и с театром. Отдельные музейные предметы — это актеры, играющие запланированную для них куратором выставки роль. Значение предмета может отличаться в зависимости от представленного контекста. Создатель выставки показывает нам свое видение реальности прошлого [Świąch 2014: 147–148].

В кавказских условиях деятельность музеев особенно затруднена. Во многих случаях они используются властями с целью пропагандной борьбы с конкретным противником. Наука отходит на второй план или полностью игнори-

руется, потому что важным становится только эффект представления своего видения прошлого, которое может не иметь научного обоснования. Другая проблема музеев на Кавказе заключается в том, что чаще всего они представляют историю с точки зрения доминирующей этнической группы, не учитывая при этом национальные меньшинства или используя их в своих интересах. Это особенно опасная тенденция, учитывая характер региона и его сложную национальную структуру. Каждое государство на Кавказе рассматривает этнические меньшинства на своей территории как потенциальную угрозу для безопасности. По этой причине, часто не признаваясь в этом общественности, они ведут ассимиляционную политику, стремясь к максимальному сокращению числа людей, декларирующих принадлежность к другой нации, кроме доминирующей. В какой-то степени исключение здесь представляет Армения, что следует из ее моноэтнического характера, который сложился после выезда из этого государства азербайджанцев и курдов-мусульман в конце 80-х годов XX в. Между тем девиз *Մեկ Ազգ, Մեկ Մշակույթ* («Одна нация, одна культура»), который лишает места в государственном пространстве или отодвигает на обочину отличные от доминирующей культуры сообщества, часто звучит здесь на правительственном уровне.

Угрозой для различных этнических групп также становится неэффективная культурная и образовательная политика. Здесь можно привести пример Дагестана. Неэффективность государственной политики, не учитывающей специфику республики, приводит к массовому переходу на русский язык, что особенно заметно среди людей, родившихся и выросших в Махачкале, и к потере традиционных языков. Неприязнь государств Кавказа к меньшинствам проявляется, в частности, в том, что, кроме Армении, ни одно из них не ратифицировало Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств, хотя Грузия и Азербайджан обязались сделать это при вступлении в Совет Европы в 1999 и 2001 г. соответственно. Россия также ее не ратифицировала, хотя уже в 2001 г. подписала конвенцию. Деятельность кавказских стран в этой сфере заставляет задуматься, так как лишение собственного языка приводит в первую очередь к денационализации. По этой причине особого внимания заслуживают инициативы снизу, от представителей меньшинств, которые ставят перед собой цель спасти от полной ассимиляции и забвения культурное наследие малочисленных народов. Одним из таких примеров является удинский музей, расположенный в Зинобиани, в Грузии.

Удины в Зинобиани

Зинобиани — единственное село в Грузии, где компактно проживают удины. Оно расположено в Кварельском районе в самом крупном регионе страны — Кахетии. От Тбилиси село отделяют почти 150 км. С конца 1930-х годов и до начала XXI в. поселение носило название Октомбери в честь Октябрьской революции.

Зинобиани было основано удинами, прибывшими сюда в сентябре 1922 г.¹ из Варташена (современный Огуз в Азербайджане), где они жили в течение

¹ Информация, представленная в статье, получена в процессе проведенных автором интервью с жителями Зинобиани. Если были использованы другие источники, это обозначено в сносках.

Вид села Зинобиани. Фото автора

многих веков. В результате сельские жители называют себя варташенско-зинобианскими удинами. В Зинобиани из Варташена приехали 112 семей, т.е. около 560 человек. Переселением руководил удинский священник Зинобий Силиков. После прибытия в Кахетию ему, как и другим удинам, было добавлено к фамилии восточно-грузинское окончание *-швили* (в настоящее время подавляющее большинство удинов в Зинобиани имеет такое окончание фамилий). По этой причине во многих источниках его фамилия записана как Силикашвили. Силиков спустя несколько лет пребывания в Зинобиани отправился в Тбилиси, где работал в государственных учреждениях. В конце 1930-х годов он стал одной из многих жертв сталинских репрессий. Зинобий был арестован и в 1938 г. включен в первую категорию заключенных [Список лиц]. Это означало расстрел, который был быстро приведен в исполнение. Место смерти и захоронения Силикова остаются неизвестными.

Удины приехали в Грузию в результате армяно-азербайджанского конфликта, произошедшего в 1918–1920 гг. в восточной части Закавказья. Несмотря на то что в 1920 г. в Азербайджане была установлена советская власть, пропагандировавшая дружбу народов, взаимная враждебность осталась. Поэтому, когда появилась возможность уехать, ею воспользовалась часть удинов.

Из Варташена, в котором жили удины как православные, так и принадлежавшие к Армянской апостольской церкви, в Грузию мигрировали первые. По этой причине большинство нынешних жителей Зинобиани утверждают, что удины всегда были православными, хотя целый ряд источников показывает, что многие из них были приверженцами Армянской апостольской церкви. Тем не менее различия между Русской православной церковью и Армянской апостольской церковью настолько сложны и невидимы для обычного человека, что даже сегодня в Армении можно встретить людей, которые убеждены, что Армянская апостольская церковь является православной и не отличается

от Русской православной церкви. Так говорят даже экскурсоводы в Эчмиадзинском монастыре, сопровождающие русскоязычные группы. Такой взгляд встречается также у интеллигенции, поэтому для жителей удинского села в начале XX в. теологические различия между двумя церквями, вероятно, не были особо значимыми. Скорее всего, разделение произошло на уровне посещения церкви, которая была «традиционно» удинской/албанской или армянской.

Некоторые жители Зинобиани упоминают конфликт, имевший место в Варташене и связанный с тем, что армяне претендовали на церковь, которую удины (православные) считали своей. Из этого следует, что в Варташене, вероятно всего, был конфликт между православными удинами и приверженцами Армянской апостольской церкви. Его следствием может быть тот факт, что большая часть населения Зинобиани скептически относится к армянам, что, возможно, имеет исторические корни. Они приводят слова Зинобия Силикова, который, по их данным, советовал жителям деревни не позволять армянам селиться в Зинобиани. В то же время некоторые, хотя и немногие, полностью отрицают какую-либо связь с армянами, и даже то, что армяне жили в Варташене. Об этом говорят женщины, которые прибыли в Зинобиани из Варташена после Второй мировой войны в качестве, например, жен. Встречаются также случаи обвинения армян в том, что они испортили удино-азербайджанские отношения, что привело к вражде между народами, т.е. перекладывают на них вину за переселение удинов из Варташена. Таким образом, возникают противоречия, потому что, с одной стороны, отрицается присутствие армян в Варташене, с другой стороны, им приписывается вина за денационализацию и армянизацию удинов в смешанных браках, имевших место в этом поселении. Некоторые жители Зинобиани открыто признают, однако, тесные контакты удинов с армянами, которым помогали во времена их преследования со стороны правящих мусаватов в Азербайджане в 1918–1920 гг.

Согласно местным представлениям, грузинские власти предоставили удинам в 1920-х годах несколько возможных мест для проживания. Некоторые из них были расположены в Колхидской низменности на западе Грузии, однако, так как Кахетия больше походила на окраины Варташена, они решили поселиться там. Так образовалась единственная удинская деревня в Грузии, которую называли Зинобиани в честь Зинобия Силикова.

После прибытия удинов в Грузию подавляющее большинство браков были чисто удинскими, в то время они поддерживали тесные контакты с удинами, живущими в Азербайджане. Еще после Второй мировой войны были частые браки между удинами из Зинобиани и из Варташена. В меньшей степени удины из Зинобиани женились на удинках из Ниджа, хотя даже в 2013 г. в селе проживало несколько женщин, которые родились в Нидже. Со временем контакты между удинскими общинами обеих республик начали ослабевать, а сильнее всего они пострадали в результате распада Советского Союза и появления независимых Грузии и Азербайджана.

Естественно возможным стало укрепление отношений между удинами и грузинами, которое, несомненно, происходило под влиянием религиозного единства. Значительное увеличение удино-грузинских браков происходило после Второй мировой войны, чему способствовало небольшое количество удинов, проживавших среди грузин. Тем не менее это также было результатом появления ассимиляционного давления, которое увеличил тот факт, что

в конце 1930-х годов отменили удинский язык в школе в Зинобиани. Так, с 1939 г. в Грузии не осуществлялось обучение этому языку.

Ситуация, когда почти три поколения прожили в условиях активной ассимиляции, негативно повлияла на сохранение удиского языка. Обстановка ухудшилась с переездом удинов в Тбилиси в поисках лучших условий жизни. В столице Грузии они быстрее подвергались аккультурации. В настоящее время удинский язык использует только старшее поколение, а родным языком он является всего для нескольких человек. В семьях, даже в чисто удинских, чаще всего языком общения становится грузинский, потому что молодое поколение не знает или знает очень плохо удинский язык. Вероятнее всего, в течение ближайших десяти-двадцати лет удинский язык исчезнет с лингвистической карты Грузии. Попытки сохранить удинский язык и культуру от забвения связаны в Грузии в основном с фигурой одного человека — Мамули (Симона) Нешумашвили.

Удинская школа и музей в Зинобиани

Мамули Нешумашвили², несомненно, самый известный и активный удинский деятель в Грузии. Он считает, что миссия его жизни — охрана удинского культурного наследия. Для этих целей он создал и возглавляет неправительственную организацию «NELP “Udi”». Нешумашвили работает в сфере образования с 1969 г. Он занимал различные должности на местном и государственном уровне, работая в министерстве или будучи членом собрания при омбудсмене.

Благодаря усилиям Нешумашвили в 2002 г. министр просвещения Грузии Александр Картозия позволил начать обучение удинскому языку в качестве внепрограммного предмета в начальной школе в Зинобиани. В ней был выделен специальный класс, в котором ученики изучают удинский язык один час в неделю. Из двадцати двух детей в настоящее время этот предмет посещают пятнадцать учеников.

Еще одним достижением организации во главе с Нешумашвили стало открытие в школе в 2002 г. удинского музея, на что свое согласие выразили районные и государственные органы. Деятельным в этом деле было и активное участие супруги Нешумашвили Наны Сепашвили, которая с 2001 г. является директором школы в Зинобиани. Она один из нескольких примеров, когда грузинка выучила удинский язык и включилась в удинское культурное движение. При создании музея также помогали другие члены семьи Нешумашвили и активисты NELP «Udi», прежде всего Эка и Бека Нешумашвили.

В связи с тем, что основная задача музея — культурно-просветительская и научная деятельность, власти разрешили, чтобы в школе для него выделили помещение площадью около 50 кв. м. В том зале, который при технической помощи «Открытое общество — Грузия» был отремонтирован, NELP «Udi» организовал выставку, посвященную удинам. В последний раз музей был реконструирован в 2012 г.

Изначально вся экспозиция была представлена по-грузински, но с течением времени стали появляться объяснения на английском языке, что было свя-

² Согласно документам, имя Нешумашвили Симон, но семья и близкие называют его Мамули, также под этим именем он известен в связи со своей деятельностью.

зано с ростом интереса иностранных средств массовой информации, туристов, а также политиков. Посещение выставки с момента ее создания бесплатное.

По задумке основателей, музей должен объяснить посетителям, кто такие удины, и представить их историю. Тем не менее, как и в других музеях, нужно смотреть на выставку через призму мнения Швенха, утверждающего, что экспонаты в ней играют роль, чтобы показать, как создатель видит прошлое. Однако, учитывая небольшое количество собранных экспонатов, решающее значение в зинобианском музее имеет рассказ экскурсовода.

В музее нет большого количества ценных экспонатов. В какой-то степени это связано с тем, что удинам, которые переселялись из Варташена в Зинобиани, разрешили взять с собой только необходимые вещи. В зале представлены несколько предметов быта первой половины XX в. Среди них инструмент для приготовления сливочного масла, посуда для воды и вина, кувшины для вина, инструмент для нарезки сахара и другие деревянные приборы. Однако их нельзя назвать удинскими, так как они имеют местное, кахетинское, происхождение и так же использовались в Зинобиани, как и в соседних грузинских селах.

Большую часть экспозиции составляют различные стенды и распечатки, представляющие историю удинов, например список правителей и католиков Кавказской Албании. История удинского государства, со слов экскурсовода, уходит в глубокое прошлое. Предполагается, что первым государством была древняя Нешия. Память о ней якобы сохранилась в виде измененного названия села Нидж, которое вместе с Варташеном в настоящее время является единственным местом в Азербайджане, где с древних времен жили удины. В музее удины представляются как основной или даже единственный этнос Кавказской Албании. При этом объясняется, что информация Страбона о двадцати шести племенах, населявших эту страну [Страбон 1964: XI, 4], на самом деле касалась государства царских скифов, которое растянулось на значительной территории Евразии. После поражения скифов и завоеваний Александра Македонского удины сформировали собственное государство — Албанию. О том, что именно этот этнос был главным и наиболее многочисленным в Восточном Закавказье, свидетельствует большое количество топонимов и гидронимов, которые сохранились до нашего времени. Один из них — Каспийское море. Его название, по мнению удинов, происходит из их языка и означает «разорванное море». Это определение объясняется тем, что когда водоем соединялся с другими морями, а затем эта связь была разорвана.

В музее особо подчеркивается православие удинов и Кавказской Албании. При этом уточняется, что в определенные периоды своей истории под военным давлением они вынуждены были стать монофизитами. Первый такой случай произошел в 705 г., когда арабы вынудили албанскую церковь перейти к монофизитству. Однако подобное положение не было постоянным, так как часть удинов сохранило православие. Несправедливым они также считают устранение Албанской церкви царем Николаем I в 1836 г. путем включения ее в Армянскую апостольскую церковь. Как жителями села, так и в музее акцентируется, что удины в Варташене всегда были православными³. Христианство было введено в Албании апостолами Фаддеем и Варфоломеем, с именем

³ К подобным заявлениям нужно подходить скептически, так как многие источники утверждают, что в Варташене жили удины, приверженцы Армянской апостольской церкви.

последнего якобы связано название Варташена. Также подчеркивается участие в этом процессе ученика Фаддея Елисея. В экспозиции музея подчеркивается, что, вероятно, в Албании был создан первый христианский закон на Востоке, примерно на 30 лет раньше, чем введение в начале 30-х годов VI в. кодекса Юстиниана в Византии.

Стоит отметить, что музей особо отмечает отсутствие связей между удинами и лезгинами, что характерно для всего удинского сообщества в Зинобиани. Хотя наукой хорошо обоснован факт, что удинский язык принадлежит к лезгинской группе нахско-дагестанских языков, в селе это отвергается. Вместо этого распространена версия, что удинский язык старше лезгинского и эти два народа не имеют ничего общего между собой. Зато здесь можно услышать об удинско-скандинавских отношениях и о возможности происхождения викингов от удинов.

Музей располагает несколькими десятками репродукций фотографий конца XIX — начала XX в., изображающих повседневную жизнь удинов. Посетители могут увидеть на них, например, процесс выпечки хлеба или производства кирпичей. Кроме этого репродукции представляют портреты людей, например удинского священника и чиновника, женщины в традиционном костюме. Несколько стендов относится к удинам в Азербайджане. На них представлены удины из Ниджа и удинка с традиционной повязкой вокруг рта из Шеки (снимок сделан в 1910 г.). Большинство фотографий, однако, касается Варташена. На одной из репродукций запечатлена группа удинов 1920-х годов, на другой — церковь, а на третьей — платаны, с которыми связана легенда.

В давние времена, когда на Варташен напали мусульмане, один из жителей закопал в землю Библию, чтобы она не попала в руки врага. После ухода неприятеля удины вернулись из своих убежищ в горах и заметили, что в деревне, там, где была спрятана Библия, растет большой платан. В соответствии с этим преданием, дерево зачахнет, когда в Варташене перестанут жить удины.

Несколько репродукций касаются Кавказской Албании. На них представлены кабаинская крепость⁴, предметы, относящиеся к культуре удинов, которые выставлены в музеях Азербайджана, а также с раскопок в Мингечевире (Мингечаур), проведенных в 1946–1953 гг. В результате этих раскопок было обнаружено множество вещей времен Кавказской Албании. В музее можно найти фотографии двух известных немецких ученых, которые внесли существенный вклад в изучение языка населения Кавказской Албании и приезжали в Зинобиани. Это профессор из Мюнхенского Университета Вольфганг Шульц, автор и соавтор таких работ, как «Удинский госпел: аннотированный текст, этимологический индекс, лемматизированный конкорданс» [Schulze 2001] и «Палимпсесты Кавказской Албании с горы Синай» [Gippert 2009], и профессор из Франкфуртского университета Йост Гипперт, автор и соавтор таких работ, как «Древнегрузинский палимпсест Codex Vindobonensis georgicus» [Gippert 2007], «Палимпсесты Кавказской Албании с горы Синай» [Gippert 2009], «Iranica Armeno-Iberica. Исследования, касающиеся иранских заимствований в армянском и грузинском языках» [Gippert 1993]. О связях удинов с Албанией свидетельствует также репродукция церкви Св. Екатерины на

⁴ Кабала была одной из столиц Кавказской Албании. Ее разрушили Сефевиды в XVI в. Современную Кабалу построили в нескольких километрах от старой.

г. Синай, где грузинская экспедиция во главе с Зазой Алексидзе нашла палимпсест с албанским текстом⁵. В музее можно услышать версию о том, что албанские тексты, найденные Алексидзе среди грузинских документов, были написаны на староудинском языке и датируются VI в.

В музее находится скульптура, представляющая бюст царицы Тамары, с правлением которой связан «золотой век» Грузии. Этот факт объясняется тем, что она объединила под своей властью Грузию и Албанию и является таковой прославленной и важной фигурой истории, что нужно отдать ей честь.

Часть экспозиции музея посвящена писательской деятельности Мамули Нешумашвили. Представлены несколько из двенадцати книг, написанных им на тему удинов, часть из которых появилась благодаря сотрудничеству с его сестрой Экой. Нешумашвили пишет как по-грузински, так и по-удински. Ценно прежде всего издание Библии, переведенное им на удинский язык и напечатанное латиницей.

В музее посетители также имеют возможность ознакомиться со стендами, на которых представлен удинский алфавит, разработанный Нешумашвили, основанный на *мхедрули* (грузинском алфавите). Стоит отметить, что он также создал удинский алфавит, основанный на латинице и кириллице.

Заключение

Делая общий вывод, нужно признать, что музей не располагает особо значимыми экспонатами. В нем нет предметов времен существования Кавказской Албании или албанской церкви, даже коллекций, касающихся материальной культуры удинов. На экспозиции представлены только несколько экспонатов начала XX в., но и они с точки зрения методологии должны быть классифицированы как кахетинские. Это также касается осколков кувшинов для вина неизвестного возраста, которые были найдены удинами в окрестностях Зинобиани. Поэтому в историческом или этнографическом плане музейные коллекции не представляют ценности. Выставка, которая здесь расположена, не была научно разработана, а ряд предметов даже противоречит давно доказанным фактам.

Важным в зинобианском музее является другое. Он был основан местными активистами, которые заботятся о том, чтобы мир не забыл о маленьком народе в Грузии, который уходит в прошлое. Музей не был создан профессиональными музейными работниками или историками. Выставка показывает, как удины из Зинобиани видят себя и как они хотели бы, чтобы их воспринимал мир. Таким образом, «правдивость» исторического повествования имеет второстепенное значение.

Музей расположен в школе — единственном культурном учреждении в селе. Это, как и факт преподавания в ней удинского языка (хотя и символически один час в неделю — на большее нет средств), делает ее очень важной для сохранения удинской культуры. Тем не менее без государственной или международной помощи удины в Зинобиани, вероятно, в течение нескольких лет

⁵ Несмотря на широкое распространение мнения о том, что современный удинский язык происходит от албанского (агванского) языка, к нему следует подходить скептически. З. Алексидзе считал, что нельзя быть полностью уверенным, что с помощью удинского можно расшифровать албанские надписи — в источниках говорится о гаргарском языке. Кроме того, современный удинский язык очень далек от староалбанского.

полностью ассимилируются с грузинами, и о них останется только память как об основателях села.

По оценкам Мамули Нешумашвили, в Грузии в настоящее время проживает около 1200 удинов. К этой цифре нужно относиться скептически. Согласно последней переписи населения, проведенной в Грузии в 2002 г., в Зинобиани проживало 412 человек, из них 49 %, т.е. 201 человек, считали себя удинами. Учитывая сообщества удинов в других населенных пунктах, прежде всего в Тбилиси, очень сомнительно, чтобы их численность в настоящее время превышала 600–800 человек. Из них по-удински свободно говорят всего пара десятков человек. Естественной угрозой являются удино-грузинские браки. Дети, воспитанные в них, уже не знают удинского языка. Наблюдается даже такая ситуация, что в чисто удинских семьях родители общаются со своими детьми на грузинском языке. При таких обстоятельствах удинский язык не имеет шансов на выживание. При этом известно, что утрата собственного языка — одна из важнейших составляющих в процессе денационализации.

Единственное, что можно сейчас сделать, — вести архивирование данных, касающихся удинов в Грузии. При этом необходимо помнить, что практически все удинское национальное движение опирается исключительно на одного человека — Мамули Нешумашвили. Среди молодого поколения не видно его потенциальных преемников. По этой причине перерисованная история, представленная в зинобианском музее, не коробит. Если благодаря ей хотя бы один молодой удин почувствует гордость по поводу своей этнической принадлежности и захочет продолжить работу Нешумашвили, музей выполнит свою задачу.

В настоящее время музей в Зинобиани в своем роде феномен на этнической карте Грузии, которую любят посещать люди со всего мира, представители средств массовой информации, дипломаты и политики. Например, широко комментировался в СМИ визит в удинский музей в феврале 2014 г. президента Грузии Георгия Маргвелашвили [Президент Грузии]. Тем не менее визиты иностранных гостей и государственных чиновников не приносят пользы. Грузия не выдает средств на его содержание, на пополнение коллекции и профессиональную помощь музейных работников... Музей также не может рассчитывать на финансовую поддержку Азербайджана, территория которого является исторической родиной удинов, или России, где проживает самая многочисленная их диаспора. Организации NELP «Udi» иногда удается получить финансирование из Европы. Одним из таких примеров был грант из Швейцарии, который позволил издать пять книг на удинскую тематику.

Без мериторической помощи и предоставления финансирования музей не имеет шансов повысить свой уровень и останется местом, куда иногда приезжают политики или журналисты с целью посмотреть на нечто экзотическое на этнической карте Грузии. Однако если ничего не изменится в культурной политике государства, то через несколько (максимум два десятка) лет музей вместе с последними удинами в Зинобиани уйдет в небытие.

Библиография

Президент Грузии посетил сегодня село Зинобиани <<https://www.president.gov.ge/print.aspx?t=1&i=8679&l=3>>. Дата обращения 4.10.2014.

Список лиц, подлежащих суду военной коллегии Верховного Суда Союза ССР от 12 сентября 1838 года <<http://stalin.memo.ru/spiski/pg11082.htm>>. Дата обращения 4.10.2014.

Страбон. География: В 17 кн. / Пер. Г.А. Стратановского. Л., 1964.

Świąch J. Uwagi na marginesie ankiety: Polskie muzeum etnograficzne w XXI wieku, w czasopiśmie «Zbiór Wiadomości do Antropologii Muzealnej» // Zbiór Wiadomości do Antropologii Muzealnej. 2014. No. 1.

Gippert J. Iranica Armeno-Iberica. Studien zu den iranischen Lehnwörtern im Armenischen und Georgischen. (Mayrhofer, Manfred [Hrsg. / ed.]), (Veröffentlichungen der Kommission für Iranistik, 26 / Sitzungsberichte der phil.-hist. Klasse der ÖAdW, 606), XXIII. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1993.

Gippert J., Schulze W., Aleksidze Z., Mahé J-P. The Caucasian Albanian Palimpsests of Mount Sinai. 2 vols. Turnhout: Brepols 2009 XXIV+530 p. (Monumenta Palaeographica Medii Aevi / Series Ibero-Caucasica, 2).

Gippert J., Sarjeladze Z., Kajaia L. The Old Georgian Palimpsest: Codex Vindobonensis Georgicus. 2 vols. Brepols: Turnhout, 2007. (Monumenta Palaeographica Medii Aevi: Series Ibero-Caucasica).

Schulze W. The Udi Gospels Annotated text, etymological index, lemmatized concordance. München, 2001.